

Ритуалы плавания

Автор:

Уильям Голдинг

Ритуалы плавания

Уильям Голдинг

На край света #1

Одно из самых совершенных произведений англоязычной литературы XX века. Первая книга легендарной морской трилогии Голдинга. Роман о трагическом столкновении между мечтой и реальностью, между воображаемым – и существующим.

Юный интеллеktуал Эдвард Тэлбот плывет из Англии в Австралию, где ему, как и сотням подобных ему молоденьких аристократов, обеспечена высокооплачиваемая синекура. На грязном суденышке, ведомом и далеким южным берегам грубым и деспотичным капитаном, ему предстоит увидеть ЖИЗНЬ – в полном и неприглядном ее виде.

Голдинг Уильям

Ритуалы плавания

William Golding

RITES OF PASSAGE

Перевод с английского Е. Корягиной, А. Панасюк

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© William Golding, 2009

© Перевод. Е. Корягина, 2011

© Перевод. А. Панасюк, 2011

Школа перевода В. Баканова, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2011

Предисловие

Ученые любезно признают, что, поскольку никто не может описать события прошлого с полной достоверностью, история во многом – продукт нашего воображения. Однако писатель, взявшийся за роман о том, что случилось «давным-давно», обязан уделить этой науке хоть каплю внимания. Перед ним лежит своего рода спектр, на одном конце которого история – назовем ее инфракрасным излучением, а на другом – выдумка – или ультрафиолет. Стоит романисту слишком вольно обойтись с широко известными событиями вроде подписания Декларации независимости или битвы при Ватерлоо, и он обманет ожидания читателей. Признаваться в том, что вы сочиняете исторический роман, нужно с долей юмора, подобно тому, как историк признается, что он изучает чужие фантазии. Все дело в степени этой самой фантазии. Писателю, который более ученого привык ко всяческим отступлениям, запросто хватает собственного багажа знаний, поскольку он легко устает от скучных исследований. Хотите рассказать людям о каком-то событии – вперед, довольствуйтесь тем, что у вас в голове! В конце концов, читатель берет книгу, чтобы развлечься, так что скорее всего встанет на вашу сторону. Разумеется,

вольничать можно лишь до определенной границы. Когда у Сартра Кин и принц-регент разгуливают вместе, зритель не спорит с автором, так как понимает, что это комедия. Однако любой, кто знаком с европейской историей, с трудом воспринимает описанную Шиллером встречу королевы Елизаветы и Марии Шотландской. Всем известно, что они никогда не виделись, и авторский вымысел не столько углубляет драму, сколько обесценивает историю. Так давайте уважать ее, когда это возможно!

Перед вами книга, первоначально состоявшая из трех отдельных томов, которые я попытался объединить в трилогию. Честно говоря, принимаясь писать первый том, я и не догадывался, что за ним последуют второй и третий. Только после публикации первого я сообразил, что бросил Эдмунда Тальбота, корабль, всех его обитателей и себя самого на полпути, посреди Атлантики. Пришлось им поплавать еще и во втором томе и сойти на твердую землю в последнем.

В сущности, не мое это дело – описывать, как работаю я или любой другой автор. Но в данном случае не могу не отметить, что книга сочинялась на редкость странно, если не сказать больше. Во-первых, сцена с посадкой Тальбота на борт, описанием корабля, команды, переселенцев и пассажиров походит скорее на мемуары, чем на вымысел: не зря говорят, что наши фантазии становятся воспоминаниями, а воспоминания перетекают в фантазии. Так или иначе, а начало «Ритуалов» снабдило меня материалом на все оставшиеся книги. Вскользь упомянутые люди начали жить собственной жизнью или, как сказал бы любитель классики Тальбот, из состояния *in posse*[1 - потенциально возможный (лат.)] перешли в состояние *in esse*[2 - настоящий, действительный, существующий (лат.)]. Даже старый корабль, главный герой повествования, вынудил персонажей действовать именно так, а не иначе.

Для публикации трехтомника пришлось внести необходимые изменения, исправления и добавления – не говоря уже об исключениях. «Ритуалы» впервые были опубликованы в 1980 году, а «В непосредственной близости» – в 1987-м. Я не заглядывал в предыдущую книгу, когда писал каждую из последующих, надеясь на память, которая, как выяснилось, несколько меня подвела. К примеру, когда все три тома оказались под одной обложкой, стало заметно, как некоторые персонажи изменили первоначальную задумку – иногда не в лучшую сторону. Я откорректировал несколько исторических ошибок. Поменял местами полубак и шканцы, здоровенные деревянные надстройки – одним росчерком пера. Вот какое легкое, можно сказать, воздушное, дело – писательство. Еще несколько поправок объединены тайным знанием, о котором поведал мне некий

корреспондент. Остальные – результат деятельности профессиональных критиков – читателей, нужно признать, не всегда желанных.

Иногда я шел своим путем. Да, мне прекрасно известно, что Тальбот относится к тому сословию, представители которого почти наверняка обиделись бы, если бы кто-то, пусть даже близкий друг, назвал их по имени. Для них в этом обращении чересчур много личного. Кроме того, они не любят слишком просторечных оборотов. Однако глупо было бы на протяжении многих страниц придерживаться высокопарных фраз, от которых скоро заскучал бы любой читатель. Я предпочел сформировать некий усредненный язык, в котором время от времени проскакивают архаизмы, как напоминание о том, что дело происходит «давным-давно». Существует некий вид критиков, которые уверены, что всякое слово появляется в речи лишь тогда, когда оно внесено в словари. Писатель же, вольно странствующий в цветном, изменчивом, переливающимся мире слов, утверждает – во всяком случае, обязан утверждать, – что любое из них активно используется как минимум одним поколением, прежде чем лексикограф поймает его и пришьет на страницу. Разумеется, из этого правила существует множество исключений, и словари нужно уважать, не попадая, однако, к ним в рабство – верный путь к скучному, выхолощенному тексту. К примеру, мне мягко попеняли за слово «швабра», которое официально появилось в 1844 году, в то время как мои герои используют его, скажем, в 1813-м. Однако я, в свою очередь, буду очень удивлен, узнай я, что Нельсон, погибший в 1805-м, не знал, что такое швабра, и не видел, как матросы драят ими палубу. И тут мы вплотную подходим к разговору о столь полюбившемся Тальботу морском жаргоне. Сперва я узнал о нем из книг, а позже, во время Второй мировой, и сам поступил на службу в военно-морские силы Великобритании, где жаргон стал одним из немногих доступных мне удовольствий, и я наслаждался им до такой степени, что к концу войны меня не всегда понимали даже бывалые мореходы. Кто-то, по-моему, Киплинг, сказал, что моряки для всего найдут нужное словечко, и я с ним согласен, даже в тех случаях, когда эти словечки выдумываю я сам.

Так что книга насыщена морским жаргоном и классовостью или, если взять слово, более понятное моим героям, сословностью – предметом очень сложным, если учесть, что мы, британцы, пропитаны ею с рождения и потому почти не замечаем. Тем не менее английские читатели легко вылавливают из текста социальные нюансы, так как в книге они прописаны очень выпукло. Американцы же приходят в некоторое недоумение, кроме разве что жителей Новой Англии, где такая же система царила вплоть до шестидесятых годов и исчезла как раз тогда, когда я к ней привык.

Пару слов про оптимизм, который, по словам некоторых читателей, растет от тома к тому. Что касается Великобритании, Эдмунду Тальботу и его окружению есть чем гордиться. Коалиция стран под предводительством Британии победила Наполеона и теперь они – по крайней мере британцы – правят миром и будут править им еще не меньше столетия. Кроме того, все три тома, строго говоря, творение рук Эдмунда Тальбота – умного, хоть и чересчур самоуверенного молодого человека. Меня часто обвиняют в пессимизме, так вот – я с этим не согласен. Возможно, именно мой оптимизм водил рукой Эдмунда день за днем, так что я или он, а может быть, и мы не склонны считать жизнь безнадежной и бессмысленной затеей, даже перед лицом бескрайней шири океана и тех трагических обстоятельств, которые сгубили Роберта Джеймса Колли. Я глубоко убежден – считайте это интуицией, или просто моим собственным мнением, – что смешное и грустное, как в книгах, так и вокруг них, – часть изначального Света. Не столько вселенского, сколько всемирного (разницу между вселенским и всемирным определяю я сам, в словарях она не закреплена). Во всяком случае, именно так я думал, когда писал. Я не люблю долгих рассуждений и готов к тому, что меня упрекнут в богохульстве, но все-таки считаю, что есть языки выше, чем язык усталого разума, интуиция тоньше, чем та, которую можно разглядеть в микроскоп или телескоп, пусть даже и космический. Для них нужны метафоры, сложные – вроде этой. Так позволим Эдмунду Фитцгенри Тальботу наслаждаться тем счастьем, которого он способен достичь, а мистеру и миссис Преттимен пасть и преуспеть в их невероятной затее, изведав страсть, на которую Эдмунд никогда не будет способен.

Мой многострадальный корабль отправляется в последнее плавание. А я, пожалуй, извинюсь перед ним за пару неточностей, несколько погрешностей, один серьезный промах, касающийся его устройства, и ворох мелких ошибок, то тут, то там. В конце концов, это я его выдумал и пустил по волнам выдуманного же моря. А он взял да и обрел некую реальность, плотность, позволившую ему распустить паруса, жизненную искру о которой всегда знают, хотя и не всегда говорят моряки. Думаю, о ней догадывается и мечущийся между классикой и романтизмом Эдмунд. Как моряки забывают о войне, так и он забудет смрад и тухлую воду безымянного судна и будет помнить лишь невероятную, поражающую словно бы в самый зрачок белизну залитых лунным светом парусов. Кстати, я ведь придумал судну название. Нашел его в списке кораблей того времени и собирался при случае упомянуть, даже намекал на это, но потом позабыл и намеки и само имя, так что все, кто хотел его узнать, вынуждены довольствоваться только лишь моими извинениями. Со своей стороны скажу, что был бы рад, прославься мой корабль под славным именем «Доброе чтиво».

(1)

Досточтимый крестный!

Этими словами начинаю я дневник, который вознамерился вести для вас – и нет на свете слов более достойных!

Итак, приступим. Место: наконец-то на борту судна. Год: вам он известен. Дата... Единственное, что следует обозначить, так это то что сегодня первый день моего путешествия на ту сторону света, в знак чего я и поставил в заглавии цифру «один». Ведь именно события этого, первого, дня я и собираюсь описать. Месяцы и дни недели мало что значат для нас, путешественников из Старой Англии к антиподам, учитывая, что по пути мы переживем все четыре сезона.

Нынче утром, перед отъездом, я заглянул к младшим братьям – наказанью божьему для старушки Добби! Братец Лайонел тут же заплясал боевой, как ему казалось, танец аборигенов, а братец Перси хлопнулся на пол и принялся, подвывая, потирать живот, якобы заболевший после того, как он съел меня. Приведя их в чувство парой увесистых шлепков, я спустился вниз, туда, где ожидали меня отец с матерью. Если вы думаете, что матушка проронила слезинку-другую, то ошибаетесь – из глаз ее хлынул целый поток, да и у меня не слишком-то мужественно сжалось сердце. Что до отца... Приходится признать, что мы отдали дань скорее чувствительности Голдсмита и Ричардсона, чем живости Филдинга или Смоллетта! Ваша светлость мигом убедились бы в моей ценности, услышь вы причитания, раздававшиеся вокруг, точно я был закованным в железо каторжником, а не молодым человеком, назначенным в помощники губернатору одной из колоний Его Величества. Сказать по правде, меня растрогали их слезы, равно как и мой ответный порыв. Все-таки в глубине души ваш крестник – человек неплохой. И в себя он пришел, только когда повозка проехала по аллее мимо сторожки и повернула сразу за мельницей.

Итак, я на судне. Вскарabкался на борт грязной, раздутой посуды бывшей некогда одним из самых грозных боевых кораблей Британской империи. Через отверстие, напоминающее низкий дверной проем, ступил во мрак одной из палуб и чуть не подавился первым же вдохом. Господи, что за смрад! Кругом в душной

полутьме творилась какая-то суматоха и суета. Человек, отрекомендовавшийся моим слугой, проводил меня в клетушку, прилепившуюся изнутри к борту корабля и называемую моей каютой. Слуга немолод, прихрамывает, по обеим сторонам хитрого лица торчат пучки седоватых волос, а на макушке сияет лысина.

– Любезнейший! – обратился я к нему. – Что за жуткий запах?

Слуга по имени Виллер повел острым носом и прищурился, будто пытаюсь не только унюхать, но и разглядеть царящую кругом вонь.

– Запах, сэр? Какой запах?

– Запах, – повторил я, прикрывая рукой нос и рот, чтобы не стошнило. – Зловоние, смрад – да как ни назови!

В ответ Виллер улыбнулся, да так солнечно, словно палуба над нами распахнулась, и откуда-то ударил луч света.

– Да привыкнете, сэр! Видит Бог, привыкнете!

– Не хочу я ни к чему привыкать! Где у вас капитан?

Виллер помрачнел и распахнул передо мною дверь каюты.

– Капитан Андерсон, сэр, вам ничем не поможет. Тут, видите ли, песок да гравий. На новых судах балласт железный, а наша-то совсем старушка. Была б помоложе, ее, может, и почистили бы. А так нет. Боятся лишний раз ковырять, сэр.

– Ну тогда ей самое место на кладбище!

Виллер на минуту призадумался.

– Вот этого, сэр, не знаю, раньше на ней не плавал. А вы вот лучше посидите немного, а я вам бренди принесу.

С этими словами он исчез, прежде чем я решился сделать еще глоток межпалубной вони, чтобы ему ответить. Ну что тут поделывать!

Разрешите описать вам мое нынешнее жилище, пока я не добился чего-нибудь более подходящего. Вдоль переборки идет койка с углублением, под ней два встроенных ящика. На одной из стен откидная полка, служащая письменным столом, в углу – парусиновая лохань и ведро. Надеюсь, для отправления естественных нужд на корабле имеется более удобное место! Нашелся в каюте угол и для зеркала, и для двух книжных полок в ногах кровати. Единственный незакрепленный предмет здешней обстановки – парусиновый стул. В двери, на уровне глаз, зарешеченное окошко, через которое проникает слабый дневной свет, а стена напротив увешана крючками. Пол, или, как положено тут его называть, палуба, изрезан бороздами, так что немудрено и лодыжку подвернуть. Подозреваю, что борозды оставлены пушками в те времена, когда наше судно было быстрее, моложе и могло похвастаться полным вооружением! Стены каюты новые, а вот потолок и стена – или как ее там, переборка? – самого корабля дряхлые, истертые, выщербленные. Вообразите только – поселить меня в эдаком курятнике, в хлеву! Что ж, придется пострадать до тех пор, пока не удастся найти капитана. Тем более что я уже притерпелся к царящей кругом вони, а добрый стакан бренди, принесенный Виллером, и вовсе примирил меня с моей участью.

Однако же здешний деревянный мирок – довольно шумное местечко! Юго-западный ветер, что держит нас у пристани, свистит и гудит над свернутыми парусами этого... – нет, нашего, потому что я решил стать настоящим морским волком! – нашего корабля. Капли дождя выбивают на бортах звонкую дробь. Мало того – от носа до кормы на каждой палубе блеют овцы, мычат коровы, перекрикиваются мужчины и – да-да-да! – щебечут женщины! Шумно даже в моем курятнике. Он – лишь один из доброго десятка таких же, расположенных по обоим бортам корабля и разделенных узким коридором, который прерывается огромным цилиндром бизань-мачты. В конце коридора, как поведал мне Виллер, находится салон для пассажиров и места общего пользования – по одному с каждой стороны. В салоне разгуливают и собираются группками какие-то смутные фигуры. Судя по всему, это и есть они, то есть мы: пассажиры. А вот почему один из дряхлых линейных кораблей перестроили в плавучий склад, ферму и пристанище для пассажиров, нужно спросить у лордов Адмиралтейства, которым, очевидно, не хватает шести с половиной сотен судов.

Только что Виллер объявил мне, что обед будет подан через час, иными словами, в четыре. В ответ на мои слова о том, что я намерен потребовать для себя более пристойное жилище, он сперва осекся, а потом заметил, что это не так-то просто, и лучше бы мне подождать да поосмотреться. Когда же я выразил негодование по поводу того, что столь жалкое суденышко отправили в столь серьезное плавание, он ответил мне как настоящий моряк: что, мол, Господи, сэр, а что ж ему делать-то, как не ходить туда-сюда, пока не потонет, для того и строили, сэр! И добавил лекцию по поводу того, как хорошо плавать с одним только боцманом да плотником на борту и как легко орудовать старым добрым якорным тросом вместо железной цепи, которая гремит, что твои кости на виселице, чем склонил мое сердце в пользу духовитого балласта. Кроме того, Виллер не доверяет медным днищам. В общем, я решил, что мы стойки, как корабли древности, не удивлюсь, если нашим первым капитаном был сам Ной. Виллер еще больше успокоил меня, уверяя, что во время шторма наша посудина «будет держаться крепче, чем те, что на вид посерьезней». Крепче! «Потому что, – продолжал он, – если попадем в качку, она по волнам запрыгает, не хуже, чем старый башмак». Честно говоря, после этих слов настроение мое, поднявшееся было после стакана бренди, упало вновь. Тем более что вскоре меня уведомили, что я должен достать из багажа все, что понадобится мне в пути, так как наши вещи унесут вниз, в трюмы! К сожалению, на борту этого злосчастливого корабля я не нашел никого, кто был бы ответственен за столь дурацкое распоряжение. Пришлось послушно распаковаться – книги я вытащил самостоятельно, остальное – с помощью Виллера, а потом осталось лишь проводить глазами свои бедные сундуки. Рассердился бы, не будь ситуация такой комичной. Кроме того, я с удовольствием вслушался в беседу уходящих с ними матросов – столько необычных, выразительных словечек! Засунул под подушку словарь Фальконера и собираюсь к концу пути освоить морской жаргон не хуже этих просмоленных ребят!

ПОЗЖЕ

Мы пообедали при свете широкого кормового окна, за двумя длинными столами, в жуткой неразберихе. Все шло вверх тормашками. Офицеров не было, слуги путались, угощение оказалось ужасным, попутчики-пассажиры нервничали, их спутницы были близки к обмороку. Радовал только вид из окна на другие корабли. Виллер, мой проводник в здешнем мире, объяснил, что это остатки конвоя. Вообще он уверяет, что суматоха на борту уляжется и вскоре, по его словам, мы все утрясемся – полагаю, что не хуже песка с гравием, да и вонять будем, судя по некоторым пассажирам, ничуть не меньше. Вашей светлости

может показаться, что я брюзжу. Так вот, если бы не стакан доброго вина, я бы разозлился не на шутку! Наш Ной, капитан Андерсон, так и не дал себе труда появиться. Разумеется, при первой же okazji я представляюсь ему самолично, но сейчас уже слишком поздно. Завтра утром я намереваюсь обследовать окрестности и познакомиться с офицерами попримичнее, ежели таковые найдутся. Среди пассажиров имеются дамы – и юные, и постарше, и совсем пожилые. Большинство джентльменов также в возрасте, из молодых я заметил только армейского офицера да священника. Последний пробормотал перед едой молитву и принялся за еду с застенчивостью юной невесты. Мистера Преттимена пока не видно, однако полагаю, что он на борту.

Виллер уверяет, что за ночь ветер переменится, мы поставим паруса, снимемся с якоря и с приливом пустимся наконец в дальнее плавание. Я сообщил ему, что считаю себя бывалым мореходом и заметил, как лицо его снова осветилось не то чтобы улыбкой, а неким невольным оживлением. Я решил при первой же возможности преподать малому урок хороших манер, и тут все на корабле пришло в движение, которое продолжается и сейчас, в тот самый миг, когда я пишу эти слова. Кругом стучит и грохочет – по-видимому, разворачивают паруса. Свистят дудки. Господи милосердный, неужто человеческое горло может извлекать подобные звуки? Так, а это у нас что? Похоже на сигнальные выстрелы! За дверью моей каморки раздается брань – споткнулся кто-то из пассажиров. Дамы визжат, коровы мычат, овцы блеют. Суматоха страшная! Не удивлюсь, если сейчас все спутается до того, что замычат овцы, заблеют коровы, а дамы отпустят несколько крепких словечек, проклиная судно со всеми мачтами и посылая его к дьяволу в пекло. Парусиновая раковина, куда Виллер налил воды для умывания, перекосилась и теперь висит под углом.

Мы выдернули якорь из песка и гравия старой Англии. Теперь долгих три года – а может быть, четыре или пять лет! – я не увижу родной земли. Должен признаться, даже мысли о блестящем и интересном будущем не спасают меня от вполне понятной грусти.

И чем же еще, несмотря на грусть, закончить мне описание первого дня на море, как не выражением моей глубочайшей благодарности? Вы помогли мне поставить ногу на первую ступеньку лестницы, и, как бы высоко я ни вскарабкался, – а честолюбие мое, спешу предупредить, безгранично! – я никогда не забуду, чья благородная рука подтолкнула меня кверху. Быть достойным этой руки, никогда не оскорбить ее ни словом, ни действием – вот главное желание, главная молитва вашего крестного сына, Эдмунда Тальбота.

(2)

Я открыл дневник и поставил в начале страницы двойку, хотя понятия не имею, как много мне удастся сегодня написать. Все складывается против обстоятельных сочинений. Члены мои слишком ослабли – здешнее отхожее место, то есть уборная, то есть... прошу прощения, я пока не разобрался, как ее называть – матросы справляют нужду где-то в своей части корабля, ближе к носу, младшие офицеры посещают галюн, а старшие – даже не знаю, куда ходят старшие. Непреходящая качка и, как следствие таковой, необходимость постоянно подстраивать под нее положение тела...

Ваша светлость дали мне любезный совет описывать все без утайки. Помните ли вы, как вывели меня из библиотеки, дружески придерживая за плечо и восклицая в вашей обыкновенной жизнерадостной манере: «Пишите обо всем, мой мальчик! Ничего не упускайте! Дайте мне прожить жизнь еще раз – вашими глазами!»? Беда лишь в том, что я пал жертвой морской болезни и почти не встаю с койки. Замечу, однако, что сам Сенека, если помните, покинув Неаполь, оказался в столь же бедственном положении, и ежели даже философа-стоика вывела из равновесия небольшая рябь на воде, чего требовать от нас, простых смертных, в гораздо более бурном море? Не стану скрывать, что качка изнурила меня до слез; именно в таком жалком состоянии, подобающем, скорее, юной барышне, и обнаружил меня Виллер. Все-таки он дельный малый. Я объяснил, что плачу только лишь с непривычки, и он с готовностью со мной согласился:

– К концу плавания, сэръ, вы запросто день пробегаете, да еще и ночь пропляшете. А вот возьмите хоть меня или любого другого матроса – посади нас сейчас на лошадь, так кишки в сапоги стрясутся.

Я что-то промычал в ответ и услышал, как Виллер выдернул пробку из бутылки.

– Вот и корабль объезжать – дело привычки. Не успеете оглянуться, как научитесь.

Не скрою, последние слова согрели меня, но не более чем дивный аромат, который, подобно теплему летнему ветру, окутал, казалось, самую мою душу. Я приоткрыл глаза и – ах! – что за чудесное снадобье приготовил мне Виллер!

Знакомый вкус вернул меня в уют детской, и на этот раз воспоминания не принесли ни тоски, ни горечи. Я отпустил слугу, задремал и даже умудрился поспать. Честное слово, маковая настойка помогла бы Сенеке гораздо лучше любой философии!

Очнулся я от странных видений, в такой кромешной темноте, что не сразу сообразил, где я, но вскоре опомнился и ощутил, что мы прибавили ходу. Кликнул Виллера. После третьего призыва, сдобренного таким количеством брани, которое я обычно не считаю допустимым для джентльмена и просто воспитанного человека, он приоткрыл дверь моей каморки.

- Помогите мне выбраться, Виллер! Я умру без глотка воздуха!

- Да полежите еще, сэ, и вскоре станете как огурчик! А на ногах будете держаться не хуже, чем твой треножник! Сейчас я вам таз подам.

Бывает ли, может ли быть на свете что-нибудь более дурацкое и менее успокаивающее, чем представлять себя в роли треножника? Они тут же поплыли перед моим внутренним взором – самодовольные и чопорные, как методисты на собрании. Я даже выругался, прямо Виллеру в лицо.

И все-таки он оказался прав. По его словам, снаружи ужасный ветер, а моя шинель с тройной пелериной – слишком ценная вещь, чтобы орошать ее солеными брызгами. Кроме того, туманно заметил он, ему бы не хотелось, чтобы я походил на священника. У Виллера, однако, есть совершенно ненашенный дождевик из непромокаемой ткани. Он купил его для джентльмена, которому так и не пришлось отплыть от берега. Дождевик как раз моего размера, и Виллер уступит мне его за ту же цену, за которую покупал сам. А в конце пути, я, если захочу, смогу вернуть его обратно за полцены. Я согласился с этим подозрительным предложением большей частью потому, что задыхался в спертom воздухе и жаждал выбраться наружу. Виллер облачил меня в плащ, натянул на ноги резиновые сапоги и нацепил на голову клеенчатую шляпу. Жаль, что вы, ваша светлость, не можете меня видеть, потому что я являл собой образ настоящего моряка, хоть и держался несколько нетвердо. Виллер помог мне выползти в залитый водой коридор, приговаривая, что хорошо бы нам было отрастить одну ногу подлинней, а другую покороче, как у горных баранов. Я с раздражением ответил, что с тех пор, как недавно, в короткий промежуток мирного времени посетил Францию, я догадываюсь, что палуба может быть под уклоном – ведь не шел я туда пешком, по воде аки посуху! Выбравшись на

шкафут, я повис на левом фальшборте – это такая боковая часть палубы. Надо мной нависал поручень, тянулся выбленочный трос – ах, Фальконер, Фальконер! – и путаница неизвестных мне канатов, в которых гудел и свистел ветер. Еще не стемнело, но откуда-то сверху сыпалась водяная пыль, а плывущие мимо тучи, казалось, задевали верхушки мачт. Мы шли не в одиночку, слева по борту виднелось несколько кораблей конвоя, на которых светились огни, хотя брызги и туманная дымка почти скрыли их из глаз. После спертого зловония каюты я дышал с невероятной легкостью и отчаянно надеялся, что ветреная погода прогонит хотя бы часть смрада. Немного придя в себя, я огляделся и, впервые с тех пор, как мы подняли якорь, обнаружил, что ко мне наконец-то вернулись способность мыслить и интерес к происходящему. Неподалеку виднелись рулевые – две темные, закутанные в дождевики фигуры поочередно склонялись к компасу, который подсвечивал их лица, а потом снова поднимали глаза к верхушкам мачт. Парусов стояло мало, я было решил, что дело в непогоде, однако позднее мой ходячий Фальконер, Виллер, объяснил, что иначе мы двинемся слишком быстро, а нам нельзя уходить далеко вперед и отрываться от конвоя. Непонятно, откуда он все это знает – если действительно знает, – но, по его словам, с конвоем мы попрощаемся в Уэссоне, оставим там все наши суда и под охраной одного из тамошних кораблей дойдем до широты Гибралтара, после чего двинемся уже в одиночку, отпугивая возможных врагов лишь несколькими пушками да грозным видом! Ну разве это справедливо? Неужели высшие чины Адмиралтейства не понимают, что пускают по водам будущего министра? Надеюсь, они получают меня обратно, словно библейский хлеб[3 - «Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих дней опять найдешь его» (Еккл., 11:1).]. Так или иначе, жребий брошен, рисковать – так рисковать! Я стоял, прислонившись спиной к фальшборту, глотал соленый ветер и не мог наглотаться. Судя по всему, невероятная слабость объяснялась не столько движением судна, сколько душным смрадом каюты.

Дневной свет уже истаял, но я был вознагражден за ночную вахту тем, что почти излечился от дурноты. И тут из коридора на ветреный и просоленный шкафут вышел священник! По-видимому, тот самый, что пытался призвать благословение на пищу нашу во время самого первого обеда, и не был услышан никем, кроме Отца своего. На нем красовались бриджи до колен, длинный плащ, а белые ленточки воротника бились на ветру, как пойманные птицы. Обеими руками он вцепился в шляпу и парик, качаясь из стороны в сторону, точно пьяный краб. Священник развернулся, как сделал бы любой человек, непривычный к крену, и попытался двигаться в сторону подъема палубы. Судя по зеленоватой, цвета сыра с плесенью, бледности, его должно было вот-вот стошнить. Прежде чем я успел окликнуть попутчика, он и впрямь опорожнил

желудок и, кроме того, тут же поскользнулся и рухнул на колени. Надеюсь, не молиться собрался! Вставать он принялся в тот самый миг, когда наша посудина подскочила на очередной волне, что придало его движению излишнюю резвость. Несчастный частью засеменял, частью полетел вниз по палубе и запросто выпорхнул бы с левого борта, не сцапай я его за воротник. Не успел я как следует разглядеть мокрую, позеленевшую физиономию, как из коридора выскочил малый, что прислуживает пассажирам по правому борту так же, как Виллер нам, по левому, с извинениями подхватил пассажира под локотки и уволок обратно. Только я хотел чертыхнуться по поводу того, что мне испачкали новый дождевик, как судно сделало рывок и очередная порция морской воды, смешанной с дождевой пылью, дочиста отмыла грязь. Несмотря на то, что меня при этом хлестнуло в лицо, я снова пришел в хорошее расположение духа. Философия, религия – что значат они, когда дует ветер, швыряясь потоками воды? Я стоял, вцепившись одной рукой в леер, и любясь тем, как последние лучи солнца освещают царящую вокруг неразбериху. Наш громоздкий, старый корабль, подняв немногочисленные паруса, рассекал воду наискось, как задира, что плечом врезается в толпу. И как задира ради собственной забавы устраивает стычки тот тут, то там, так и судно, встретив какое-либо препятствие, ныряло или, напротив, подпрыгивало, получая водяной заряд прямо в «лицо», так что по шкафуту и палубе прокатывались белые пенные волны. Что ж, судя по всему, я начал, по выражению Виллера, потихоньку «объезжать корабль». Мачты немного клонились. Ванты с наветренной стороны натянулись, с подветренной, напротив, провисли. Между мачтами качнулся громадный трос. И тут мне очень хочется подчеркнуть, что океан, этот великий двигатель, невозможно понять понемногу, изучая диаграммы в морских словарях. Понимание приходит – если вообще приходит – мгновенно, скачком. В полутьме, в промежутке между двумя волнами, я вдруг ощутил судно и море под ним, не столько механически, сколько... Точно коня под седлом, точно повозку – словом, средство передвижения, которым можно управлять. Я и не ожидал, что это будет так приятно. Вот и еще один штрих, думал я не без самодовольства, еще один ключ к пониманию. Над головой у меня, в нижнем, подветренном углу одинокого паруса, трясся канат, трясся бешено – но понятно! Словно бы для того, чтобы усилить впечатление, в тот самый миг, когда я наблюдал за ним, в нас полетел новый заряд воды и пены, и канат тут же завибрировал иначе – оставаясь неподвижным посередине, он образовал два эллипса, сходящихся к центру, наподобие восьмерки, – что-то вроде точки на скрипичной струне, которая при точном попадании дает звук на октаву выше.

Но у судна струн больше, чем у скрипки, лютни и даже, как я подозреваю, у арфы, так что под руководством учителя-ветра оно рождало какую-то дикую,

невероятную мелодию. Через некоторое время я почувствовал, что был бы не против общества себе подобных, но увы – Церковь, как и Армия, избавили меня от своего присутствия. Дамы наверняка уже почивали в постелях. Что же касается военно-морских сил, они, в прямом смысле слова, были в своей стихии. Их представители виднелись там и сям, лица белели на фоне черных дождевиков. Отойди чуть подальше и покажется, что по палубе просто-напросто рассыпаны камни, омываемые водой.

Когда совсем стемнело, я вернулся в каморку и кликнул Виллера, который, примчавшись по первому зову, вытряхнул меня из дождевика и повесил его на крючок, где он тут же закачался, как пьянчужка. Я попросил фонарь, но Виллер ответил, что это запрещено. Я было вскипел, но он крайне разумно объяснил мне причины подобной строгости. Фонарь опасен – стоит его уронить, и огонь уже не затушишь, однако за умеренную плату я могу получить отличную свечу, которая, падая, гаснет сама собой, хотя я, разумеется, все равно должен соблюдать необходимую предосторожность. Свечи можно купить прямо у него, Виллера. Я удивился, потому что считал, что подобные торги можно вести только с баталером. После недолгой паузы Виллер признал мою правоту, но объяснил, что, по его мнению, я не захочу связываться с баталером, который обитает не пойми где, в дальнем углу, и редко оттуда показывается. Господа обыкновенно с ним дел не ведут, а посылают слуг, которые следят, чтобы сделка была честной. «Сами знаете, – добавил он, – каковы они, эти баталеры!» Я согласился с легкостью – притворной, ибо я, уже окончательно придя в себя, понял, что стоит за сердечностью и готовностью угодить, с коими служил мне Виллер. Я совершенно переменял свое о нем мнение и решил быть начеку, предугадывая его помыслы и желания раньше, чем он предугадает мои. Таким образом, к одиннадцати часам вечера – шести склянкам по морскому словарю – я сидел за откидным столом, открыв этот самый дневник. И что за чепуху изливаю я на его страницы! Что поделать – покамест я не могу порадовать вашу светлость интересными происшествиями, забавными наблюдениями и, смею надеяться, остротой ума. Так что скажу просто: плавание началось.

(3)

На третий день непогода разгулялась еще хуже, чем в первые два. Судно – во всяком случае, та его часть, что доступна моим глазам – выглядит прежалко. Палуба и наш коридор постоянно залиты и дождевой, и морской водой, да еще и

подтухшей. Она легко находит себе дорогу даже под порожек моей каморки, к которому, предположительно, должна прилегать дверь. Разумеется, ничто тут ни к чему не прилегает. Иначе как бы это бестолковое судно ныряло с одной волны на другую? Сегодня утром, пробившись в обеденный салон – где мне, кстати говоря, так и не подали ничего горячего, – я еле-еле вырвался обратно. Дверь заклинило. Я в раздражении дергал и тряс ручку, и вдруг обнаружил, что буквально вишу, вцепившись в нее, потому как чертова посуда снова взбрыкнула, не хуже записной истерички. И это было бы еще полбеды, потому что в следующий миг меня вообще чуть не убило! Дверь распахнулась, так что ручка вместе со мной описала широкий полукруг. От смерти или серьезного увечья меня спас только инстинкт, подобный тому, что заставляет кошек приземляться на все четыре лапы. Подобное упрямство и затем коварная уступка со стороны двери – предмета, которому я никогда раньше не уделял особого внимания, – показались мне примером столь вопиющей наглости со стороны обычной деревяшки, что я был готов поверить в существование древесных духов (дриад или как их там), которые не захотели покидать свое жилище, переселились в доски, из которых сделан корабль, и вместе с нами вышли в море! Но нет, это была всего лишь – «всего лишь» – Господи, что за слова! – очередная выходка нашего судна, то, о чем Виллер говорил: «скачет не хуже, чем старый башмак».

Я все еще стоял на четвереньках, глядя на пойманную пружинным крючком дверь, когда на пороге показалась фигура, заставившая меня бешено расхохотаться. Это был один из лейтенантов, который осторожно ступал под таким потешным углом к палубе – а ведь я из своего положения только палубу и видел, – что тут же привел меня в хорошее расположение духа, несмотря на все синяки. Я вернулся обратно, к меньшему и, как мне представлялось, более привилегированному из обеденных столов – тому, что стоял прямо под широким кормовым окном. Разумеется, мебель в салоне надежно закреплена. Не знаю, стоит ли утомлять вашу светлость описаниями «такелажных крепов». Думаю, нет. Итак, представьте: я сижу за столом и пью с вошедшим офицером. Его имя Камбершам, он служит королю и, следовательно, может считаться джентльменом, хотя эль хлебает с таким тошнотворным безразличием к правилам хорошего тона, что походит скорее на извозчика. На вид ему лет сорок, коротко стрижен, волосы растут чуть ли не от самых бровей. Когда-то Камбершаму рассекли голову, поэтому его чтят как героя и уважают, несмотря на дурные манеры. Не сомневаюсь, что до конца пути нам обязательно выпадет случай услышать его историю. Сейчас, по крайней мере, я сумел выудить из Камбершама хоть какие-то сведения. Погода, по его словам, гнусная, однако бывало и похуже. Те пассажиры, что остаются в койках, добавил он,

многозначительно поглядывая на меня, и принимают легкие тонизирующие, поступают совершенно верно, так как на судне нет врача и сломанная, как он выразился, конечность испортит жизнь всем вокруг. Врача же нет потому, что даже самые юные и бестолковые хирурги предпочитают оставаться на берегу, где возможность заработать гораздо выше. Подход довольно торгашеский, что заставило меня по-новому взглянуть на представителей данной профессии, коих я почитал образцами бескорыстия. В таком случае, заметил я, следует ожидать небывалого всплеска смертности, и нам очень повезло, что на судне есть священник, который сможет совершить все необходимые обряды, с начала и до конца. В ответ Камбершам подавился, отпрянул от кружки с элем и с невероятным изумлением заявил:

- Священник, сэр? Нет у нас никакого священника!

- Поверьте, я его видел.

- Быть не может.

- Но ведь по закону должен быть - на каждом линейном корабле, разве не так?

- Капитан Андерсон не очень боится законов, а поскольку священники тоже не горят желанием служить на флоте, обойтись без них гораздо проще, чем отыскать врача.

- Бросьте, мистер Камбершам! Всем известно, что матросы славятся невероятным суеверием. Наверняка и вам время от времени необходима помощь какого-нибудь Мумбо-Юмбо!

- Только не капитану Андерсону. Равно как, в свое время, великому капитану Куку. Тот был убежденным атеистом и скорее бы взял на свое судно разносчика чумы, чем попа.

- Боже милосердный!

- Верно вам говорю, сэр.

– Как же тогда... дорогой мой мистер Камбершам! Как тогда поддерживать порядок? Выдерните краеугольный камень – и рухнет вся арка!

Судя по виду мистера Камбершама, мысль моя до него не дошла. Видимо, я выразился чересчур витиевато, пришлось срочно поправляться:

– Офицеров в команде очень немного. Остальные – просто пестрая толпа, от послушания которой зависит порядок на корабле, да что там порядок – успех всего путешествия!

– Они вполне себе справляются.

– Но, сэр, влияние нашей Церкви заключается в том, что в одной руке она держит кнут, а в другой – мифический, посмею утверждать, пряник, так что...

Тут мистер Камбершам утер губы черной от загара рукой и встал.

– Не разбираюсь я в этом, – ответил он. – В общем, капитан Андерсон не взял бы на борт священнослужителя, даже если бы было кого. А тот, что вы видели, не член команды, а пассажир, и священник, судя по всему, совсем еще желторотый.

Я припомнил, как бедный малый пытался вползти вверх по палубе, да еще умудрился опорожнить желудок против ветра.

– Наверное, вы правы. Во всяком случае, моряк из него никудышный.

Затем я обрадовал мистера Камбершама известием, что при первом же удобном случае хочу представиться капитану. Он вытаращил глаза; пришлось объяснить ему, кто я, упомянув имена вашей светлости и его превосходительства, вашего брата, а также подчеркнуть, какой пост я намереваюсь занять при губернаторе – настолько, насколько вообще возможно было это подчеркнуть, учитывая то, второе дело, о котором мы с вами говорили. Кроме того, я подумал о том, о чем не сказал вслух: поскольку губернатор – тоже офицер флота, а мистер Камбершам – типичный представитель морской породы, поучусь-ка я разговаривать с подчиненными – авось пригодится!

Моя речь несколько оживила мистера Камбершама. Он уселся обратно и поведал мне, что никогда раньше не служил на подобном корабле и уж тем более не ходил в такое плавание. Почти все тут кажется странным не только ему, но и другим офицерам. Мы и боевой, и торговый, и пассажирский корабль, мы и пакетбот – в общем, все на свете, а значит – и тут он продемонстрировал некую прямолинейность мышления, свойственную военным, причем как старшим, так и младшим чинам, – а значит, ничто. В конце пути, пророчествовал Камбершам, наше судно станет на прикол, спустит паруса и будет тешить губернаторскую гордость салютами, пока тот будет прогуливаться туда-обратно.

– Что, возможно, и к лучшему, мистер Тальбот, – угрюмо добавил он. – Да, к лучшему!

– О чем это вы, сэр?

Мистер Камбершам дождался, пока пританцовывающий от качки слуга не нальет нам снова, и сквозь открытую дверь оглядел темный, залитый водой коридор.

– Бог знает, что случится, если мы пальнем из оставшихся на борту пушек.

– Выходит, враг притаился прямо здесь, на палубе?!

– Надеюсь, вы не станете делиться моими опасениями с другими пассажирами. Нельзя их пугать. Я и так наговорил вам больше, чем следовало.

– Нет, я, конечно, готовился стоически встретить опасность в случае нападения, но что от героической обороны нам станет только хуже, это... это...

– Это война, мистер Тальбот, тем паче, что на море судно в опасности всегда – даже в мирное время. Был ведь и еще один корабль нашего типа – перестроенный военный корабль, я имею в виду, под названием, по-моему, «Хранитель» – да-да, «Хранитель», – который вышел в точно такое же безумное плавание и не дошел до места. Хотя нет, теперь вспомнил: он налетел на айсберг в Южном океане – тут уж ни новизна, ни прочность не спасут.

Я перевел дыхание. Все ясно – по бесстрастию, с которым офицер ронял слова, я понял, что он просто-напросто решил меня припугнуть – верно, за то, что я подчеркнул важность своего положения. Дружелюбно хохотнув, я решил, что пора закруглять беседу. И заодно попрактиковаться в искусстве лести, кою ваша светлость рекомендовали мне в качестве превосходной отмычки.

– С такими офицерами, как на нашем корабле – полными трудолюбия и веры, нам, я уверен, бояться нечего.

Камбершам посмотрел на меня с подозрением, словно ища в последних словах потайной и, возможно, иронический смысл.

– Веры, сэръ? Это в каком же смысле?

Нет, самое время, как говорится у нас, мореходов, сменить курс.

– Гляньте-ка на мою левую руку. Вот что творят ваши двери – и синяки, и порезы! Как это у вас говорится – по левому борту? Тогда выражусь, как настоящий моряк: я исцарапал руку по левому борту! Последую-ка, пожалуй, вашему совету: съем что-нибудь, выпью бренди да лягу в койку. Выпьете со мной?

Камбершам помотал головой.

– Я заступаю на вахту, а вы и впрямь набейте желудок. И еще: поосторожней с Виллеровым сонным зельем. Настойка очень крепкая, а цена ее будет расти день ото дня, без всяких разумных объяснений. Стюард! стакан бренди мистеру Тальботу!

Он кивнул настолько учтиво, насколько это возможно для человека, который стоит наклонившись, будто падает с крыши. Картина на редкость потешная, тем более что на море веселящие свойства крепкого напитка делают ее еще более забавной, чем на суше. Так что мне, похоже, пора остановиться. Я осторожно повернулся на закрепленной скамье и обозрел бушующие волны, что вздымались и опадали за кормовым окном. Должен признаться, подобный вид принес мне мало утешения, более того – я вдруг осознал, что даже при самом счастливом исходе плавания, тут нет ни одной волны, вала, буруна или барашка, который мне не придется пересечь еще раз, на пути обратно, пусть даже и через несколько лет. Долгое время я сидел, уставившись в стакан, в крохотное озерцо

ароматной жидкости. Зрелище меня не порадовало, единственным утешением стала мысль, что другим пассажирам еще хуже. Она же заставила меня поесть – немного почти что свежего хлеба с сыром. Запил я все это тем самым бренди и ждал, что желудок взбунтуется, но бедное мое нутро, запуганное сперва элем, затем бренди, а следом лечебной настойкой, да еще при полном моем небрежении к его, прости Господи, мольбам о помощи, затихло словно мышка, услышавшая, как кухарка поутру шурует в печи кочергой. Я вернулся к себе и поспал; снова вышел и поел еще раз, а потом засел за дневник и нацарапал при свете свечи вот эти самые строки, предоставив вашей светлости весьма сомнительное удовольствие прожить кусок здешней жизни «моими глазами», уж простите великодушно. Куда ни ткнись, на корабле плохо всем, от домашних животных до высших – или низших! – существ вроде вашего покорного слуги, разумеется, за исключением запакованных в блестящие зюйдвестки моряков.

(4)

И как вы, ваша светлость, чувствуете себя сегодня? Надеюсь, в добром здравии, не хуже, чем ваш покорный слуга! У меня на уме, на языке, на пере – да на чем угодно! – такая куча событий, что я понятия не имею, как выплеснуть их на бумагу. Короче говоря, дела в нашем деревянном мирке повернули к лучшему. Не то чтобы я совсем превратился в морского волка, ибо хотя теперь ход корабля мне и понятен, выматывает он по-прежнему. Но идем мы все-таки ровнее. Сегодня ночью, когда меня что-то разбудило – видимо, слишком громко отданный приказ, – я почувствовал, что в неуклюжем, неровном движении появилась какая-то плавность. День за днем, валяясь в похожей на корыто койке, я чувствовал, как судно раздвигает воду, как бы подсакивая через неравные промежутки, словно наткнувшийся на препятствие возок. Лежал я головой к носу, ногами к корме и каждый скачок вжимал голову в подушку, вырубленную, казалось, из гранита, и встряхивал жалкие останки тела.

Несмотря на то, что теперь я понимал саму природу этого подсакивания, оно не перестало быть на редкость неприятным. Итак, в ту ночь на палубе поднялся шум и топот, офицер выкрикивал приказы, которые передавались дальше каким-то адским хором. Я и не знал, несмотря на плавание по Ла-Маншу, что обычную команду можно пропеть, как целую арию: «Спустить паруса!» или, допустим, «Круче к ветру!».

– Легче, легче! – проревел у меня над головой, если не ошибаюсь, тот самый Камбершам, после чего суматоха еще усилилась. Реи стонали так, что я сжал бы зубы, останься у меня на это силы, а затем – о, затем! Ни разу за время путешествия не испытывал я столь незамутненного счастья, если не сказать – блаженства! Движение судна, койки, всего моего тела изменилось разом, в мгновение ока, как будто... Хотя нет, ни к чему увлекаться сравнениями. Я ведь точно знаю, отчего случилось чудо. Мы сменили курс и повернули южнее, на морском языке – на котором я изъясняюсь с растущим удовольствием – пошли в фордевинд.

Судно двигалось мягче, я бы даже сказал, женственнее, что более приличествовало его нынешнему статусу. И я заснул крепким, здоровым сном.

Проснувшись, я не стал совершать никаких глупостей – не спрыгнул с койки, не запел, а просто кликнул Виллера куда более бодрым голосом, чем в любой из тех дней, что прошли со времени моего первого знакомства со всеми прелестями назначения в колонии – однако будет, будет! Я не смогу дать – да вы, я уверен, и не ждете – поминутного описания здешней жизни. Кроме того, мне начало приходить в голову, что дневник не безграничен. Не верю я больше, что добродетельная мисс Памела^{[4} - Героиня романа родоначальника «чувствительной» литературы, английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761 гг.) «Памела, или Награждённая добродетель».] описывала каждый шаг четко рассчитанного сопротивления домогательствам господина. Так что встану, облегчусь, выбреюсь и позавтракаю я в одном – вот этом – предложении. Следующее застанет меня на палубе, уже в дождевике. И не в одиночку. Ибо хоть погода и не исправилась – ветер дует нам в спину, а точнее, в «плечо» – под прикрытием своего рода стены, образованной переборками юта и шканцев, находиться вполне уютно. Мы напоминаем выздоравливающих, что приехали на воды: уже на ногах, но все еще не верим во вновь обретенную способность ходить или хотя бы ковылять.

Боже правый! А поздно-то как! Если не научусь выбирать главное, вскоре поймаю себя на том, что описываю позавчерашний день вместо сегодняшнего! Потому что весь день я гулял, беседовал, ел, пил, обследовал корабль – а сейчас выскочил из койки, повинуюсь, как это ни удивительно, настойчивому зову страниц! Оказывается, ведение дневника подобно выпивке – не всегда вовремя остановишься. Надо будет учиться держать себя в руках.

Что ж, продолжим. Очень быстро я обнаружил, что в дождевике ужасно жарко, и вернулся в каюту. Там, учитывая, что мне предстоял почти что официальный визит, я переоделся с особой тщательностью, дабы произвести необходимое впечатление на капитана. Надел шинель и шляпу, правда, последнюю, во избежание утери, подвязал шарфом. Подумывал о том, чтобы выслать вперед Виллера – доложить обо мне, но решил, что это будет уже слишком. Поэтому я натянул перчатки, расправил пелерину, оглядел сапоги и решил, что они в порядке. Вышел, вскарабкался по трапу – это такая широкая лестница, – ведущему на ют и шканцы. Прошел мимо мистера Камбершама с подчиненными и пожелал ему доброго утра, на кое приветствие он не отозвался, что, несомненно, обидело бы меня, не будь я к этому времени осведомлен о его грубых манерах и переменчивом характере. Поэтому я спокойно направился к капитану, которого легко распознал по щегольской, хоть и изрядно потрепанной форме. Он стоял по правому борту, на шканцах, сцепив руки на спине, в которую дул ветер, и, судя по лицу, был поражен моим появлением.

А теперь мне придется поделиться с вашей светлостью пренеприятнейшим открытием. Каким бы храбрым и доблестным ни был наш морской флот с его героическими офицерами и преданными матросами, на военных кораблях царит ничем не прикрытая тирания! Первая же реплика капитана Андерсона – если грубое ворчание можно назвать репликой, – поданная в тот самый момент, когда я рукой в перчатке коснулся шляпы и намеревался назвать свое имя, прозвучала на редкость неучтиво:

– Какого черта, Камбершам? Они, что, правил не читают?

В замешательстве я даже не запомнил, что ответил Камбершам – если он вообще хоть что-нибудь ответил. Мне показалось, что в силу какой-то невероятной, нелепейшей ошибки капитан Андерсон вот-вот готов меня ударить! Я, не теряя ни минуты, громким голосом представился. Капитан в ответ разошелся еще пуще и разозлил бы меня, не отметь я полную абсурдность происходящего. Все мы – я, капитан, Камбершам, его подчиненные – опирались на одну ногу, прямую, как столб, а другую ритмично сгибали и разгибали в такт покачиванию палубы. У меня вырвался смешок – возможно, не слишком учтивый, но грубиян заслужил отпор, пусть даже и невольный. Андерсон действительно осекся, хоть и побагровел еще сильнее, что дало мне возможность выпалить ваше имя, подкрепив его именем его превосходительства, вашего брата, – так путник на большой дороге выдергивает пару пистолетов, чтобы отогнать разбойника. Сперва капитан заглянул – надеюсь, вы простите мне сравнение – в дуло вашей

светлости, понял, что вы заряжены, кинул осторожный взгляд на посла в другой руке и отпрянул, оскалив желтые зубы! Редко удастся увидеть лицо столь обескураженное и в то же время злобное. Судя по всему, капитан – человек настроения. Упоминание вашего имени, равно как и дальнейшее приветствие ввели меня в круг приближенных, хоть и на самый его край, и я почувствовал себя посланником в Порте[5 - Блистательная, Высокая, Оттоманская Порта (название султанской Турции).], который может ощущать себя в относительной безопасности, когда кругом летят отрубленные головы. Уверен, капитан Андерсон расстрелял бы меня, повесил на рее, протащил под килем, не возьми благоразумие верх над его первым порывом. Так или иначе, если сегодня, когда французские часы в вашей гобеленовой гостиной проббили десять, а судовой колокол тут, у нас, четыре раза, если в это самое время ваша светлость испытали внезапный прилив хорошего настроения, знайте: хотя не могу ручаться до конца, возможно, все потому, что изукрашенное серебром ружье благородного имени все еще действует на людей среднего сословия!

Пару секунд мы пережидали, пока капитан Андерсон проглотит оскорбление. А потом... Он крайне уважает вашу светлость и даже не думал каким-то образом ущемлять вашего... вашего... он надеется, что я удобно устроился... он просто-напросто не сразу узнал... дело в том, что правила придуманы для пассажиров, чтобы те без приглашения не лезли на шканцы, но, разумеется, в моем случае (зверский взгляд, способный напугать и волкодава)... я всегда буду желанным гостем. Мы стояли в тени бизань-мачты (спасибо, Фальконер!), пружиня на одной ноге и колыхаясь, как камыш на ветру. Затем, к моему изумлению, вместо того, чтобы остаться на своем законном месте, капитан вскинул было руку к фуражке, но тут же сделал вид, что просто поправил ее, скрывая тем самым невольное почтение к вашей светлости. Отвернулся к поручню и остался стоять там, сцепив руки за спиной и судорожно сжимая и разжимая пальцы – невольное свидетельство обуревавшей его злобы. Я даже почувствовал что-то вроде сострадания к сбитому с толку повелителю крохотного королевства, однако решил, что сейчас не время для жалости. Настоящие политики не гнушаются применить силу, чтобы добиться цели. Пусть ошеломление от нашей первой встречи продлится как можно дольше, а потом, когда истинная картина дел полностью уляжется в озлобленном мозгу Андерсона, можно будет снизойти и до более дружелюбного разговора. Путешествие впереди долгое, и облегчать тяжелую долю капитана – отнюдь не моя забота, да и, честно говоря, не больно-то и хотелось. Сегодня, как вы, наверное, уже поняли, я в прекрасном настроении. Время, вместо того, чтобы плестись походкой улитки – раз мы допускаем, что краб может быть пьяным, то и у улитки может обнаружиться походка, – так вот, вместо того, чтобы плестись, время бежит, если не сказать –

несется мимо меня. Я не записал и десятой доли того, что случилось за день, однако уже поздно, продолжу завтра.

(5)

Все в тот же, четвертый день – хотя сейчас на самом деле уже пятый... в общем, продолжаю.

После того как Андерсон отвернулся к поручню, я еще некоторое время оставался на шканцах, пытаюсь втянуть в беседу мистера Камбершама. Он отвечал чрезвычайно скупой, и я наконец сообразил, что его стесняет присутствие капитана. И все-таки мне не хотелось так скоро покинуть шканцы – это смахивало бы на отступление.

– Камбершам, – начал я. – Мы движемся с большей плавностью, чем раньше. Покажите мне судно. Или, если вы заняты, отрядите со мной вот этого молодого человека в качестве проводника.

Я имел в виду его помощника, гардемарина – не того, старой школы, каких помните вы: застрявших в низшем звании, как козел в кустах, – а представителя новой породы, что заставила бы дрогнуть любое материнское сердце – прыщавого юнца лет четырнадцати-пятнадцати, которого, как я выяснил позже, следовало именовать молодым человеком. Пока Камбершам думал, что мне ответить, паренек переводил взгляд с него на меня и обратно. Наконец лейтенант велел мистеру Виллису следовать за мной. Таким образом, я убил сразу двух зайцев: с достоинством покинул священную территорию и захватил с собой одного из ее обитателей. Когда мы спускались по трапу, до нас долетел голос Камбершама:

– Мистер Виллис, мистер Виллис! Не забудьте ознакомить мистера Тальбота с уставом для пассажиров! И передайте мне его замечания, ежели таковые найдутся!

В ответ на его слова я только хохотнул, хотя мистера Виллиса они, похоже, нисколько не позабавили. Проводник мой не только прыщав, но и бледен, а рот

предпочитает держать открытым. Он осведомился, что бы я хотел посмотреть, о чем я не имел ни малейшего понятия, потому что прихватил его со шканцев просто затем, чтобы удалиться поторжественнее. Поэтому я кивнул на нос судна.

- Прогуляемся в ту сторону. Хочу поглядеть, как живет команда.

Виллис с некоторой неохотой повел меня в тени шлюпок через белую линию у грот-мачты и между загонами, где содержался скот. Затем он обогнал меня и первым поднялся по трапу на полубак, где я увидел кабестан, несколько лежаков и женщину, которая ощипывала курицу. Подойдя к бушприту, я поглядел вниз и понял, насколько же древняя у нас старушка. Я про корабль – остроносый, по моде прошлого столетия, и порядком потрепанный, что видно даже отсюда, с носа. Я осмотрел символ – гигантскую резную фигуру, которую матросы, по своему обыкновению, превратили в то, о чем я даже не хочу упоминать, дабы не оскорблять вашу светлость. Сам вид этих людей, присевших на корточки по своей надобности, был на редкость неприятен, а ведь некоторые из них еще и подняли головы, дерзко уставившись прямо на меня! Я отвернулся и стал оглядывать широкую палубу и простершиеся за ней еще более широкие, темно-синие просторы океана.

- Что ж, сэр, – обратился я к Виллису, – мы и впрямь находимся ??? ????? ???
???????? [6 - «На хребтах беспредельного моря» (греч.) (Гомер, «Илиада», пер. Н. Гнедича).], не так ли?

Виллис ответствовал, что французского он не знает.

- А что вы в таком случае знаете, молодой человек?

- Оснастку, сэр, строение судна, шпангоуты, морские узлы, компасные румбы, сажени на лотлине и еще, как солнце пристреливать.

- Вижу, мы в надежных руках.

- Это не все, сэр. Знаю, как ружье устроено, как опреснять воду, и даже военный устав.

– Военный устав опреснять нельзя, – серьезно поправил я. – Сейчас самое время задать французам соли и перцу! Что ж, на мой взгляд, ваша голова набита познаниями не хуже, чем шкатулка для шитья моей матушки – всяческим тряпьем. Только за что же вы хотите пристрелить солнце? Чем обидело вас наше светило?

– Да вы меня дразните! – оглушительно расхохотался Виллис. – Даже сухопутные, прошу прощения, знают, что это значит – определять высоту.

– Прощаю вам «даже», сэр. И когда же вы этим займетесь?

– Посмотреть хотите? Да через несколько минут, в полдень. Мистер Смайлс придет, мичман, мистер Дэвис и мистер Тейлор – два других гардемарина, сэр, только мистер Дэвис на самом деле мало что соображает, слишком уж старый, а у мистера Тейлора, моего друга – вы только капитану не говорите – секстан сломанный, потому что тот, что дал ему отец, он заложил. Поэтому мы договорились: брать мой по очереди и называть высоту с разницей в две минуты.

Я схватился за голову.

– Так вот на какой паутинке висит безопасность всего корабля?!

– Чего, сэр?

– Боже правый, да с тем же успехом можно было довериться моим братишкам! Выходит, наше местоположение определяет выживший из ума гардемарин да сломанный секстан, так, мой мальчик?!

– Господи, да нет же, сэр! Во-первых, мы с Томми хотим уговорить мистера Дэвиса поменяться: его хороший на тот, что у Томми. Потому что мистеру Дэвису все равно на что глядеть. А потом ведь и капитан, и мистер Смайлс, и другие офицеры – они тоже свое дело делают.

– Понятно. То есть вы не просто стреляете по солнцу, а даете по нему целый бортовой залп. Что ж, погляжу, а может, и сам выстрелю – зря мы, что ли, вокруг него крутимся!

– Мы не крутимся, сэр, – ласково объяснил Виллис. – Мы просто ждем, пока солнце не поднимется, и измеряем угол, когда оно находится в самой высшей точке, ну и время замечаем тоже.

– Послушайте, друг мой! Вы буквально возвращаете нас в Средние века! Не удивлюсь, если скоро мы начнем цитировать Птолемея.

– Не знаю я никакого Птолемея. Просто жду, когда солнце выше всего будет – вот и все.

– Но ведь это не более чем видимое движение, – терпеливо втолковывал я. – Неужели вы не слышали о Галилео и его «а все-таки она вертится»? Земля обращается вокруг солнца. Ее путь описан Коперником и подтвержден Кеплером!

Ответ мистера Виллиса поражал как редким невежеством, так и истинным благородством:

– Сэр, уж не знаю, как ведет себя солнце с вами, господами сухопутными, но у нас, у военных моряков, оно ходит по небу.

Я захохотал и положил руку ему на плечо.

– Так тому и быть. Пусть ходит как хочет. Сказать по чести, мистер Виллис, я так рад видеть солнце в небе, в окружении снежно-белых облаков, что, будь на то моя воля, позволил бы ему и джигу сплясать. Смотрите-ка: ваши друзья собираются. Бросайте меня и бегите к инструментам.

Мальчишка поблагодарил меня и исчез. Я остался стоять на полубаке, наблюдая за церемонией, которая, надо отметить, меня просто очаровала. На шканцах собралось несколько офицеров, которые наблюдали за солнцем, поднося к лицу латунные треугольники. Действо оказалось очень любопытным. За ним с интересом следили не только оказавшиеся в тот момент на палубе моряки, но и некоторые переселенцы. Последние смысла расчетов скорее всего не понимали. Я-то немного соображал, что происходит, в силу полученного образования, врожденной любознательности и легкости в обучении. Даже пассажиры – те из них, кто вышел проветриться – во все глаза уставились на происходящее. Я бы не удивился, если бы джентльмены обнажили головы. Но и люди – простые

люди, чьи жизни не меньше нашего зависели от аккуратности измерений, бывших для них не яснее китайских иероглифов, так вот, эти люди взирали на ритуал с почтительностью, сродни религиозной. Подозреваю, что вы, как и я, решили бы, что блестящие инструменты для них – своего рода шаманство. И хотя невежество мистера Дэвиса и сломанный секстан мистера Тейлора представляли собой колосс на глиняных ногах, мне показалось, что зрители верят скорее в могущество старших офицеров. Видели бы вы их, этих зрителей! Женщина, что щипала курицу, так и застыла с нею в руках. Два парня, несущие наверх девушку, которой, судя по всему, было совсем плохо, замерли, забыв про бессильно свисающую ношу, словно кто-то сказал им: «Тс-с-с-с!». В конце концов девушка повернула голову и уставилась туда же, куда и ее спутники. В этом всеобщем внимании была какая-то трогательная нотка, словно во взгляде собаки, которая, не в силах понять людской беседы, все же следит за ней с искренним интересом. Я не знаю, как вашей светлости должно быть известно, с теми, кто одобряет жестокие причуды демократии, что в нынешнем, что в прошедшем столетии. Но в тот миг, когда я увидел матросов, замерших в столь напряженном ожидании, я по-новому взглянул на такие понятия, как «долг», «честь» и «достоинство». Они покинули страницы книг, школьные и университетские аудитории и вошли в повседневную жизнь. До тех пор, пока я не увидел как люди, подобно голодным овцам Мильтона, «глядят снизу вверх»[7 - Образ из поэмы английского поэта Джона Мильтона (1608–1674 гг.) «Люсидас».], я не понимал природы своих собственных честолюбивых целей, не видел им объяснения, которое предстало предо мной только теперь. Простите, что утомляю вас открытием, которое вам, должно быть, давно известно.

А как красиво было кругом! Судно бежало, подгоняемое ровным, без порывов, ветром, волны сверкали, облачка затейливо отражались в глубоких... и так далее, и так далее, и так далее. Солнце, по-видимому, вовсе не пострадало от наших бортовых залпов! Я спустился по трапу и вернулся к навигаторам, которые как раз расходились со шканцев. Мистер Смайлс, штурман, уже немолод, хотя и моложе, чем мистер Дэвис, старший гардемарин – древний, как само судно. Последний сошел на ту палубу, где стоял я, и полез еще ниже, сутулясь и ковыляя, будто театральный призрак, сходящий в могилу. Когда он исчез, ко мне подошел мой юный проводник, мистер Виллис, и церемонно представил мистера Томми Тейлора. Последний двумя годами моложе Виллиса, но бодрей и крепче своего старшего товарища, да к тому же родился и вырос в моряцкой семье. Мистер Тейлор тут же сообщил мне, что у мистера Виллиса чердак прохудился, и если мне захочется узнать что-нибудь про навигацию, нужно обращаться к нему, мистеру Тейлору, а то мистер Виллис живо направит меня напрямиком на скалы. К примеру, позавчера он сообщил мистеру Деверелю,

что на шестидесяти градусах северной широты градус долготы уменьшается до полумили. А когда мистер Деверель спросил – шутя, конечно! – насколько же он уменьшится на шестидесяти градусах южной широты, мистер Виллис ответил, что не знает, до этого места в книжке он еще не дочитал. Описывая нелепейший промах товарища, мистер Тейлор залился радостным хохотом, который мистера Виллиса несколько не обидел. Он обожает своего младшего друга, гордится им и искренне ему предан. Представьте теперь, как я расхаживаю туда-сюда, до грот-мачты и назад, в окружении юных приспешников: по правому борту младший – задорный, полный жизни, шуток и сведений о море, по левому – старший – молчаливый, улыбочивый, кивающий с открытым ртом в такт любому слову товарища обо всем, что творится под солнцем и даже на солнце!

Именно от этой бодрой парочки я узнал кое-что про остальных пассажиров – тех, разумеется, кто расквартирован на корме. Вот семья Пайков, все четверо очень дружны между собой. Вот всем нам известный мистер Преттимен. В каюте между моей конурой и обеденным салоном расположился, о чем сообщил мне развитый не по годам мистер Тейлор, художник-портретист с женой и дочерью, которую вышеупомянутый юный джентльмен охарактеризовал словами «цыпочка что надо!». В устах мистера Тейлора это звучит как высшая похвала. Ваша светлость наверняка догадались, что присутствие на борту прекрасной незнакомки добавило мне воодушевления.

Мистер Тейлор прошелся бы по всему списку пассажиров, но в тот момент, когда мы примерно в двадцатый раз возвращались от грот-мачты, священник – да-да, тот самый священник, которого недавно стошнило прямо на меня, – высунулся из пассажирского коридора. Он повернул было к трапу, как вдруг узрел нашу троицу и, по-видимому заподозрив во мне важную птицу, остановился и удостоил меня поклоном. Заметьте, я не назвал его жест ни кивком, ни приветствием, ибо он именно склонился, извиваясь всем телом. Поклон довершила улыбка, бледная и подобострастная, и некое колыхание, напоминающее неуверенное движение нашего судна, – отвратительный жест, вызванный всего-навсего моим обликом джентльмена. В ответ я слегка коснулся пальцами поля шляпы, внимательно оглядывая попутчика. Он уже карабкался по трапу, ставя под невыносимым углом ноги в толстых шерстяных чулках и грубых ботинках – не иначе, как колени его, закрытые подолом длинного черного сюртука, разведены гораздо шире, чем у обычных людей. На голове у священника красовался круглый парик и круглая же пасторская шляпа; он показался мне одним из тех людей, мнение о которых не улучшится даже при более близком знакомстве. Не успел он отойти, как мистер Тейлор высказал предположение, что «небесный лоцман» собрался на шканцы, в гости к капитану

Андерсону, и там ему не поздоровится.

– Не читал он капитанских правил, – поддержал я, как человек уже поднаторевший и в капитанах, и в их правилах, не говоря уж о военных кораблях. – Ох, протащат его под килем.

Мысль о том, как священника тащат под килем, невероятно впечатлила мистера Тейлора. Когда мистер Виллис тычками привел его в чувство, то он, вытерев слезы и проикавшись, сообщил, что ничего веселее в жизни не слышал, и снова взорвался хохотом. В этот самый миг со шканцев раздался рев, окативший мальчишку, как ведро ледяной воды. Мне казалось – нет, я был уверен, – что капитан кричит на незваного гостя, однако оба юнца подскочили в таком ужасе, будто их зацепило осколками разорвавшегося где-то поблизости капитанского гнева. Судя по всему, Андерсон прекрасно держал в узде всю команду – от Камбершама до этих желторотых птенцов. Что касается меня – мне было достаточно одного свидания с капитаном в сутки.

– Пойдемте-ка отсюда, ребята, – предложил я. – Оставим капитана и слугу божьего разбираться между собой, а сами отойдем в укрытие, подальше от разрывов.

Мы торопливо ретировались в коридор.

Я уже был готов отпустить помощников, когда над нашими головами, сперва по палубе, затем по ступенькам, раздался топот, перешедший в стремительное цоканье подбитых железом каблуков, которые, скользнув, с грохотом обрушили своего хозяина к самому подножию трапа! Какой бы ни была моя неприязнь к, выразимся так, излишней набожности этого пассажира, из простого человеколюбия стоило посмотреть, не нуждается ли он в помощи. Но не успел я сделать и шагу, как священник сам ввалился нам навстречу, сжимая в одной руке парик, а в другой – шляпу. Пасторские ленточки сбились на один бок. Но больше всего меня поразило – нет, даже не выражение – а какая-то общая перекошенность лица. Боюсь, тут мое перо бессильно. Представьте, если сможете, бледную, искривленную физиономию, которую природа не оделила ничем выдающимся, кроме самых примитивных черт, физиономию, на которую она пожалела плоти, не поскупившись при этом на кости. Широко распахните рот, вставьте в провалы под узким лбом пару вытаращенных глаз, из которых вот-вот брызнут слезы, – представьте все это, твержу я вам, и вы все равно будете далеки от того комичного и униженного существа, что на миг предстало

моим глазам. Бедняга дернул дверь своей каюты, проскочил внутрь и загремел задвижкой.

Мистер Тейлор снова захохотал. Я сжал пальцами его ухо и вывернул так, что хохот превратился в вопль.

– Позвольте донести до вас, мистер Тейлор, – негромко, как того требовали обстоятельства, приговаривал я, – что джентльмен не радуется несчастью ближнего своего. Можете поклониться и идти, оба. Уверен, когда-нибудь мы повторим нашу прогулку.

– Господи, да, конечно, сэр! – ответил юный Томми, явно посчитавший посягательство на его ухо жестом дружеской привязанности. – Когда хотите!

– Ага, сэр, – простодушно добавил Виллис. – Мы заодно урок по навигации прогуляли.

Они ретировались по трапу, ведущему, по их словам, в шкиперскую – наверняка очередная зловонная дыра. Некоторое время я еще слышал звонкий голос мистера Тейлора:

– Спорим, он ненавидит попов больше всего на свете?

Я вернулся в каюту, кликнул Виллера и велел ему стянуть с меня сапоги. Он исполнил приказ с готовностью, заставившей меня заподозрить, что другие пассажиры не пользуются его услугами. Что ж, их дело, мне же лучше. Каюты по той стороне коридора обслуживает другой человек – по-моему, его имя Филлипс.

– Скажите-ка мне, Виллер, – начал я, в то время как он пытался половчее согнуться в тесном пространстве каюты. – Почему капитан так не любит священников?

– Чуть-чуть повыше, сэр, если не возражаете. Вот так, спасибо. Теперь вторую, будьте добры.

– Виллер!

- Понятия не имею, сэр. Не любит? Он сам так говорил?

- Его рев слышал весь корабль!

- На флоте мало священников, сэр. Их и так-то не хватает, а те, что есть, предпочитают служить на суше. Позвольте, я еще раз почищу, сэр. Теперь плащ...

- Кроме того, один юный приятель подтвердил мне, что капитан Андерсон ненавидит попов, а еще раньше о том же говорил лейтенант Камбершам.

- В самом деле, сэр? Спасибо, сэр.

- Разве не так?

- Вот уж не знаю, мистер Тальбот, сэр. А хотите я вам еще порцию настойки принесу? Мне казалось, вы находите ее весьма действенной.

- Нет, спасибо. Как видите, я одолел демона.

- Это сильное средство, сэр, как и заметил мистер Камбершам. А поскольку к концу пути его остается все меньше, то и платить приходится больше. Так оно естественно происходит, сэр. Говорят, один джентльмен, из сухопутных, об этом даже книжку написал[8 - Имеется в виду труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов»].

Я распорядился, чтобы он оставил меня в покое, и улегся в койку, пытаюсь вспомнить, который день мы в плавании. Взял дневник и понял, что шестой, а значит, я ввел в заблуждение как вашу светлость, так и себя самого. Не успеваю, да пытаюсь не стану идти в ногу со всеми событиями. По самым грубым подсчетам, я уже нацарапал около десятка тысяч слов и должен сдержаться, иначе роскошная обложка вашего подарка просто не вместит моего путешествия. Неужели я избежал демона опия только для того, чтобы пасть жертвой *jugor scribendi*[9 - Страсть к сочинительству (лат.)]? Что ж, если ваша светлость пролистает... Прошу прощения - в дверь постучали. Это Бейтс, который прислуживает в пассажирском салоне.

– Мистер Саммерс шлет мистеру Тальботу заверения в совершеннейшем почтении и осведомляется, не желает ли мистер Тальбот испить стакан вина в его обществе?

– Мистер Саммерс?

– Старший лейтенант, сэра.

– Самый главный после капитана, не так ли? Передайте мистеру Саммерсу, через десять минут я буду счастлив с ним увидеться.

Пусть не капитан, но его правая рука! Ну что ж! Мы входим в высшее общество!

(X)

На самом деле это седьмой... или пятый... а возможно, и восьмой день путешествия – в общем, пусть цифра «десять» сыграет свою роль и обозначит забытое мною число. У времени появилось обыкновение застывать на месте, так что вечерами или ночами, когда я пишу в дневнике, свеча истает незаметно – как растут в пещерах сталактиты и сталагмиты. А потом его вдруг – раз! – и не хватает, и непонятно, куда делось.

О чем это я? Ах да! Итак...

Я явился в пассажирский салон на randevу со старшим офицером лишь для того, чтобы обнаружить, что его любезное приглашение относилось ко всем пассажирам и служило не более чем коротким вступлением к обеду. Позже я узнал, что такого рода собрания – традиция на почтовых и пассажирских кораблях, когда леди и джентльмены пускаются в плавание по морю. Офицеры решили ввести ее и на нашем судне, чтобы сгладить, как мне показалось, грубые и категоричные капитанские «Правила поведения для пассажиров, допущенных – обратите внимание: «допущенных», а не «приглашенных»! – на борт».

Я открыл дверь и, представленный, как полагается, вошел в оживленный салон, который больше всего походил на общий зал в каком-нибудь постоялом дворе. О

море напоминал лишь покачивающийся горизонт, что синел в широком кормовом окне. Звуки моего имени на миг заставили всех замолчать, в то время как я осматривал скопище бледных лиц, не в силах отличить одно от другого. Затем вперед выступил хорошо сложенный, двумя-тремя годами старше меня, молодой человек в морской форме. Он представился Саммерсом и предложил мне познакомиться с лейтенантом Деверелем, что я и сделал. Из всех офицеров Деверель более всего напоминает настоящего джентльмена. Он стройнее Саммерса, с каштановыми волосами и носит бакенбарды, но подбородок и верхняя губа чисто выбриты, как это принято у моряков. Мы обменялись приветливыми взглядами, и мне показалось, что он, так же, как и я, не прочь продолжить знакомство. Далее Саммерс сказал, что я должен познакомиться с дамами, и провел меня к той единственной, которую я успел заметить. Она сидела по правому борту салона на чем-то вроде скамьи и, несмотря на внимание присутствующих мужчин, вид имела суровый. Неопределенного возраста, в шляпке, которая позволяла прятать не только голову, но и почти все лицо – скорее укрытие, чем предмет туалета, возбуждающий любопытство мужчин, и в сером платье, вроде тех, что носят квакерши. Дама сидела, сложив руки на коленях, и беседовала с молодым армейским офицером, который, улыбаясь, глядел прямо на нее.

– ...сама обучала их подобным играм. Безобидная забава для юных джентльменов и не последнее умение для юных дам. Молодая особа, лишенная музыкальных способностей, может занять гостей картами, точно так же как другая развлечет их игрой на арфе или же ином инструменте.

Офицер ухмыльнулся, спрятав подбородок в воротник.

– Рад слышать, мадам. Однако на моих глазах в карты играли в более чем злочных местах, уверяю вас.

– О них, сэр, я, разумеется, не имею ни малейшего понятия, но ведь правила игры не портятся сами по себе, в зависимости от того, в каком месте в нее играют? Я говорю о том, чему сама была свидетелем: о том, как играют в приличных домах. Впрочем, в моем понимании юной девушке, кроме умения играть, скажем, в вист, необходимо... – Не удивлюсь, если по лицу дамы скользнула усмешка, так как в ее голосе прозвучала явная ирония. – ...Необходимо умение мило проигрывать.

Высокий офицер зашелся каркающим смехом, а мистер Саммерс воспользовался оказией, чтобы представить мне пассажирку по имени мисс Грэнхем. Я признался, что подслушал часть беседы, и ощутил себя полным невеждой, так как не разбираюсь в правилах игр, которые они обсуждали. Мисс Грэнхем повернулась ко мне, и я увидел, что передо мной хоть и не «цыпочка» мистера Тейлора, черты ее, освещенные любезной улыбкой, можно назвать вполне приятными. Я вознес хвалу невинным радостям, которые даруют нам карточные игры, и выразил уверенность, что несколько уроков, которые я надеюсь получить у мисс Грэнхем, скрасят долгие часы путешествия.

Тут-то и крылся роковой просчет. С лица новой знакомой мгновенно исчезла улыбка.

Слово «уроки» не несло для меня никаких неприятных оттенков. Для меня – но не для собеседницы.

– Да, мистер Тальбот, – процедила она, и на щеках ее выступили красные пятна. – Как вы совершенно правильно поняли, я гувернантка.

В чем же я провинился? Какую совершил оплошность? Вероятно, эта женщина ожидала от жизни гораздо большего, чем получила, и оттого язык ее превратился в спусковой крючок, как у дуэльного пистолета. Клянусь вашей светлости, эдаких не переделаешь, и самое умное в разговоре с ними – молчаливо внимать. Уж такие они, причем заранее этого не видно, как дикой утке не видно капкана. Делаешь шаг и – щелк! – его челюсти защелкиваются прямо у тебя на лодыжке. Хорошо тем, чье положение в обществе ставит их выше трений, вызванных социальным неравенством. Мы же, бедняги, вынуждены общаться или, лучше сказать, вращаться среди людей разных; зачастую вовремя уловить мелкие, почти невидимые отличия так же трудно, как разглядеть то, что католики называют «движениями души». Однако вернемся. Не успела мисс Грэнхем договорить свое возмущенное «я гувернантка», как я уже понял, что ненароком оскорбил ее.

– Ну так что же, мадам, – заворковал я успокаивающе, не хуже маковой настойки Виллера, – ваша профессия – самая нужная и благородная среди тех, что выбирают для себя женщины. Не могу передать, что значила для меня и братьев мисс Добсон – наша старая Добби! Думаю, вы так же уверены в горячей привязанности ваших юных воспитанников, как она – в нашей!

Неплохо сказано, не так ли? Я поднял стакан, словно салютуя славному племени гувернанток, хотя на самом деле пил за собственную изворотливость, позволившую в последний момент выскользнуть из-под дула ружья или из челюстей капкана.

Однако рано я радовался.

– Если, – жестко произнесла мисс Грэнхем, – я и уверена в горячей привязанности юных воспитанников, то это единственная вещь, в которой я вообще уверена. Дочь покойного каноника Эксетерского собора, которой по воле обстоятельств пришлось принять предложение семьи с другого конца света, ценит привязанность воспитанников чуть ниже, чем вы.

И вот я бьюсь в силках – совершенно незаслуженно, если вспомнить, как я пытался пригласить перышки мисс Грэнхем. Пришлось поклониться и заверить, что готов служить ей, когда понадобится. Олдмедоу еще глубже спрятал подбородок в воротник и тут явился Бейтс с хересом. Я допил свой стакан и взял новый, просто чтобы замаскировать неловкость; к счастью, меня спас Саммерс, сказав, что со мной будут рады познакомиться и другие. Я ответил только, что и не знал, как нас много. Крупный, цветущий господин с голосом густым, как портвейн, объявил, что хотел бы написать групповой портрет, так как за исключением его благоверной и дочурки, тут собрались все пассажиры. Мистер Вискс, бледный молодой человек, который вроде бы собирается основать школу, заметил, что переселенцы могли бы образовать живописный фон.

– Нет-нет, – отказался художник. – Я собираюсь запечатлеть только дворянство.

– Эмигранты? – подхватил я, радуясь перемене темы. – Еще предложите позировать рука об руку с простым матросом!

– В таком случае на вашей картине не будет меня, – рассмеялся Саммерс. – Потому что когда-то я был одним из них.

– Вы, сэр? Поверить не могу!

– И все-таки это правда.

– А как же...

Саммерс с живостью обернулся ко мне.

– На флотском жаргоне это называется: «на корму из клюза[10 - Отверстие в борту для якорной цепи.] вылез» – то есть поднялся с нижней палубы, из простых, как вы изволили выразиться, матросов.

Ваша светлость и представить себе не можете, как смутили меня его слова, и как я разозлился, обнаружив, что все наше маленькое общество уставилось на меня в ожидании ответа. Надеюсь, он отличался живостью, подобающей обстоятельствам, хотя, боюсь, произнесен был излишне покровительственно.

– Что ж, Саммерс, могу только поздравить вас с тем, что вы превосходно овладели речью и манерами более высокого общества, чем то, к которому принадлежали по рождению.

Саммерс поблагодарил меня со всей возможной признательностью, а потом обратился ко всем сразу:

– Дамы и господа, рассаживайтесь, прошу вас! Без церемоний, где кому удобно. У нас впереди долгое плавание. Бейтс, вели начинать.

При этих словах из коридора вдруг донеслось не очень-то мелодичное повизгивание скрипки и других инструментов. Я постарался разрядить обстановку:

– Саммерс, раз уж нам не суждено красоваться на одном портрете, давайте хотя бы разделим удовольствие усадить мисс Грэнхем между нами. Позвольте, мадам!

Конечно, я рисковал получить еще один выговор, но все же предложил мисс Грэнхем руку и проводил к столу под широким окном, с большим почетом, чем оказал бы первой леди какого-нибудь государства. Удалось! Когда я начал нахваливать мясо, лейтенант Деверель, сидевший слева от меня, сказал, что одна из наших коров сломала ногу во время шторма, а потому мы имеем то, что имеем, зато молока теперь будет меньше. Мисс Грэнхем завела оживленную

беседу с мистером Саммерсом, сидевшим справа от нее, так что мы с Деверелем смогли обсудить матросов: их жалость к сломавшей ногу корове, искусность в разных выдумках – как дурных, так и полезных, приверженность спиртному, порочность и невероятную храбрость, а также – уже в шутку – преданность деревянной фигуре на носу корабля. Согласились друг с другом, что в любом обществе большинство трудных ситуаций можно разрешить с помощью строгого, но чуткого руководства. На корабле это именно так, подтвердил Деверель. Я ответил, что уже имел счастье лицезреть строгость, тогда как чуткость, видимо, еще впереди. К тому времени оживление собравшихся достигло таких высот, что разговоры совсем заглушили скрипку из коридора. Одна тема сменяла другую, мы с Деверелем пришли к полному взаимопониманию, и он открыл мне душу. Ему бы хотелось служить на настоящем военном корабле, а не на старой калоше с немногочисленным экипажем, наспех собранным из случайных людей. Оказалось, что те, кого я принял за сплоченную команду матросов и офицеров, знают друг друга без году неделя, с тех пор как судно сняли с прикола. По словам Девереля, это просто позор, а не корабль, и отец мог бы найти ему более достойное место. На такой должности ничего путного не добьешься, тем более что война катится к закату и вот-вот затихнет, как незаведенные часы.

И язык, и манеры Девереля отличаются изысканностью. Он просто украшение здешнего общества.

К этому времени в салоне стало совсем шумно, как в любом месте, где собирается много людей. Послышались взрывы смеха и крепкие словечки. Уже потянулась к выходу тихая парочка Пайков с дочерьми-близняшками. Уже мисс Грэнхем сделала попытку выбраться из-за стола, хотя мы с Саммерсом с двух сторон уговаривали ее остаться. Саммерс просил не обращать внимания на флотский жаргон, которым многие офицеры пользуются не задумываясь, по привычке. Мне казалось, что пассажиры ведут себя гораздо хуже. Если такое происходит тут, на корме, подумал я про себя, то что же творится ближе к носу?! Мисс Грэнхем все еще оставалась на месте, когда дверь распахнулась и вошла дама совсем другой наружности. Молоденькая, но одетая богато и легкомысленно, она впорхнула в салон так поспешно, что шляпка сбилась на затылок, открыв копну золотистых кудряшек. Мы подскочили – во всяком случае, большинство из нас, – но она, грациозным взмахом руки усадив нас на места, подбежала к цветущему господину, склонилась к его плечу и очаровательно – чересчур очаровательно! – прошебетала:

– Ах, мистер Брокльбанк, наконец-то она смогла проглотить хоть ложечку бульона!

– Мое дитя, моя дорогая Зенобия! – прогудел мистер Брокльбанк, представляя незнакомку.

На мисс Зенобию тут же посыпались приглашения присесть. Мисс Грэнхем объявила, что уходит, так что ее место свободно, разве что подушку можно подложить. Однако новая гостья с неподражаемым лукавством ответила, что кругом слишком много опасных мужчин и она надеялась, что мисс Грэнхем защитит ее добродетель.

– Вздор и чепуха, мадам! – изрекла мисс Грэнхем еще суровее, чем во время разговора с вашим покорным слугой. – Вздор и чепуха! Ваша добродетель здесь в безопасности, как и на всем судне!

– Дорогая мисс Грэнхем, – с притворной печалью вздохнула Зенобия, – уверена, что ваша-то добродетель в безопасности где бы то ни было!

Пошловато, не правда ли? Однако должен признаться, что по крайней мере часть салона встретила ее слова взрывом смеха, ибо мы достигли той стадии обеда, когда дамам лучше бы выйти, за исключением, разумеется, таких, как мисс Зенобия. Деверель, я и Саммерс вскочили, но Олдмедоу успел раньше и вывел мисс Грэнхем из-за стола.

– Садись со мной, Зенобия, детка, – мягким голосом прогудел Брокльбанк.

Мисс Зенобия вздрогнула от яркого полуденного света, который лился из кормового окна, и прикрыла лицо изящными ручками.

– Тут слишком светло, мистер Брокльбанк, па!

– О боже, мадам! – воскликнул Деверель. – Неужели вы лишите несчастных, сидящих в тени, удовольствия глядеть на вас?

– Нет, – отвечала мисс Брокльбанк. – Я просто обязана занять место мисс Грэнхем.

Она яркой бабочкой порхнула вокруг стола. Деверель наверняка надеялся, что Зенобия сядет с ним, но она выбрала место между Саммерсом и мною. Шляпка ее до сих пор болталась где-то на шее, так что золотистые кудряшки прикрывали щеку и ухо. И все-таки мне, даже с первого взгляда, показалось, что блеск ее глаз – вернее, того из них, что время от времени был обращен на меня, – дань яркости одеяния, а чересчур коралловые губы выглядят как-то ненатурально. Что касается духов...

Я еще не утомил вас? Ведь множество чаровниц на моих глазах вздыхали по вашей светлости – скорее всего тщетно... Дьявол меня побери, ну как тут найти возможность подольститься к крестному, когда он и вправду...

Но вернемся. Чаровница Брокльбанк – живое воплощение мужских представлений о женской внешности. Главное тут – не перефантазировать. В конце концов, я еще очень молодой человек! И могу потешить себя хотя бы восторженными речами, поскольку Зенобия – единственный достойный внимания предмет в нашей компании. И все же! Мне кажется, что во мне никогда не дремлет, как сказал бы мой любимый автор, «политик жалкий»[11 - В. Шекспир, «Король Лир», действие IV, сцена 6 (пер. М. Кузмина)]. Не могу достать себе стеклянные глаза и рассыпаться в похвалах. Потому что мисс Зенобия явно пребывает в средних летах и пытается защитить увядающие прелести, прежде чем они окончательно исчезнут, с помощью постоянного мельтешения, которое наверняка утомляет ее не меньше, чем зрителей. Возможно, родители везут ее к антиподам в последней надежде? Среди заключенных и аборигенов, переселенцев и военных в отставке, надсмотрщиков и скромного священства... нет-нет, я несправедлив к барышне, она еще вполне хороша. Не сомневаюсь, что менее разборчивые из пассажиров вспыхнут к ней далеко не невинным интересом!

Но оставим на время Зенобию и обратим внимание на ее отца и на господина, что сидит напротив него, и которого я заметил, когда он вскочил на ноги. Его пронзительный голос перекрыл царящий вокруг шум:

– Мне хотелось бы донести до вас, мистер Брокльбанк, что я давний и упорный враг всяческих предрассудков!

Ага, перед нами мистер Преттимен. Боюсь, я довольно вяло его представил. Что ж, во всем виновата мисс Зенобия. Преттимен – толстый, раздраженный коротышка. Вам он известен. А я установил – не важно как, – что он везет с собой

печатный станок, и хоть с помощью этого устройства вряд ли издашь что-то серьезней листовки, машина, на которой Лютер напечатал свою Библию, была немногим больше.

В ответ мистер Брокльбанк загудел, что просто не подумал. Это была шутка. Он вовсе не собирался задевать чьи-то чувства. Традиции. Привычки.

– Я отчетливо видел, как вы бросили щепотку соли через плечо! – не унимался мистер Преттимен, дрожа от возбуждения.

– Так оно и было, сэ, признаю. Больше не повторится.

Эта реплика, показавшая, насколько мистер Брокльбанк не понимает, о чем идет речь, сбила мистера Преттимена с толку. Забыв захлопнуть рот, он опустился на место и тут же исчез из виду. Мисс Зенобия поглядела на меня большими серьезными глазами. Ее густые брови и длинные ресницы... Нет, не могу поверить, что все это от природы...

– Какой он сердитый, наш мистер Преттимен, правда, мистер Тальбот? Когда он встает, я так пугаюсь, так пугаюсь!

Трудно было представить что-либо менее страшное, чем этот нелепый философ. Однако мы, судя по всему, подошли к знакомым па в старом, всем известном танце. Она – беззащитная и женственная среди них – сильных и огромных самцов, вроде Преттимена и вашего покорного слуги. Мы, в свою очередь, должны ответить шутливой угрозой, так, чтобы в страхе она сдалась на нашу милость, возвала к рыцарскому великодушию, и «любовные наклонности», как именовал это доктор Джонсон, обоих полов раскалились бы донельзя, создав обстановку, в какой только и могут счастливо существовать подобные создания.

Последние мысли заставили меня заметить кое-что еще. Размах представления был слишком велик. Казалось, Зенобия по меньшей мере привычна к подобному театру, если не играет в нем главную роль! И это явно не первый выход, потому что потом она принялась живописать свои страхи во время последнего шторма так, чтобы ее слышали и находившийся рядом Саммерс, и сидевшие напротив Олдмедоу с Боулсом, – да и вообще все, до кого можно было докричаться. Нас записали в труппу. Но прежде чем сыграть свою роль, каждый должен был как следует проникнуться театральной атмосферой – я даже потешился мыслью, что

в какой-то мере Зенобия могла бы скрасить дорожную скуку, когда очередной вопль Преттимена и ответный гул Брокльбанка заставили нас вернуться к теме разговора. Зенобия, оказывается, частенько стучит по дереву. В ответ я вспомнил, что у меня поднимается настроение, если дорогу передо мной перебежит черная кошка. Двадцать пять для Зенобии – счастливое число. Я предположил, что двадцать пятый день рождения станет для нее самым счастливым – глупость, на которую она не обратила внимания, так как мистер Боулс (который имеет какое-то отношение к закону и потому страшный зануда) объяснил, что обычай стучать по дереву пришел к нам от католиков, которые обожествляют и целуют распятие. Я еще вспомнил, как моя няня говорила, что если ножи скрестятся – быть ссоре, и что перевернутый хлеб на море означает скорое кораблекрушение – когда Зенобия вскрикнула и повернулась к Саммерсу, ища защиты. Тот успокоил ее, сказав, что французов бояться нечего, их сейчас сильно прижали, но одно только упоминание о врагах повергло Зенобию в панику, и мы снова услышали описание того, как дрожит она в каюте в страшные ночные часы, думая, как одинок наш кораблик в бурном море. «Один, один, всегда один, один среди зыбей!»[12 - С.Т. Кольридж, «Поэма о старом моряке» (перевод Н. Гумилева).] – подрагивающим голосом процитировала она.

Трудно найти что-то менее одинокое, чем этот битком набитый корабль, подумалось мне, – разве что долговую яму или невольничье судно. А Зенобия, оказывается, встречала мистера Кольриджа. Мистер Брокльбанк – папа – рисовал его портрет, заходила даже речь об издании иллюстрированной книги, да что-то не вышло.

К тому времени мистер Брокльбанк – видимо, услышав декламацию дочери, – тоже ритмично зауhal. Оказалось – продолжение поэмы. Неудивительно, что он знал стихи наизусть, раз собирался их иллюстрировать. Затем они с философом снова вступили в полемику. И вдруг оказалось, что в салоне тишина, и все слушают спорщиков.

– Нет, сэ, – гудел художник. – Нет и нет. Ни при каких обстоятельствах!

– Тогда откажитесь от кур! Да и всей остальной птицы!

– Нет, сэ!

- И немедленно перестаньте есть вот эту самую говядину, что стоит перед вами! Десять тысяч восточных браминов горло бы вам за нее перерезали!

- У нас на корабле нет браминов!

- Значит...

- Раз и навсегда, сэр: я не буду стрелять в альбатроса. Я мирный человек, мистер Преттимен, и не хочу палить в него точно так же, как и в вас.

- У вас что, есть оружие, сэр? Потому что мне не трудно выстрелить в птицу, чтобы моряки сами увидели...

- Да, у меня есть оружие, сэр, хотя я никогда им не пользуюсь. А вы, что, меткий стрелок?

- В жизни не стрелял!

- Что ж, берите мой мушкет и делайте с ним что угодно.

- Я, сэр?

- Вы, сэр!

Мистер Преттимен снова показался из-за стола. Его глаза сверкали алмазным блеском.

- Благодарю вас, сэр, так я и сделаю, сэр, и вы, сэр, еще увидите! И простые матросы увидят, сэр...

Он перелез через скамью и буквально вылетел из салона. Вслед ему раздались вялые смешки и перешептывания. Мисс Зенобия повернулась ко мне.

- Папа хочет быть уверен, что на той стороне земли, у антиподов, мы будем в безопасности.

- Надеюсь, он не собирается разгуливать среди туземцев?

- Он желает познакомить их с искусством портрета, которое, по его словам, умиротворяет и распахивает двери в цивилизацию. Боится только, что с непривычки трудно будет рисовать черные лица.

- А не страшно ему? Да и позволит ли губернатор...

- Мистер Брокльбанк... папа хочет уговорить его.

- Господи! Я, конечно, не губернатор, но, дорогая моя, подумайте, как это опасно!

- Если священник может...

- А кстати, где он? - тронул меня за локоть Деверель.

- Отсиживается у себя в каюте. Подозреваю, видеть его мы будем нечасто - слава Богу и капитану Андерсону. Я тосковать не стану, думаю, вы тоже.

Я совсем забыл про Девереля, не говоря уж о пасторе, и только хотел втянуть офицера в беседу, как он поднялся и сказал:

- Мне пора на вахту. Уверен, вы с мисс Брокльбанк не дадите друг другу скучать.

Последние слова прозвучали с явным намеком. Лейтенант раскланялся и ушел. Я взглянул на Зенобию и обнаружил ее в задумчивости. Не серьезной, нет. Просто за искусственной веселостью крылось еще какое-то выражение, которое я не смог разгадать. Помните, вы советовали мне учиться читать по лицам? Так вот, ее глаза и даже веки замерли, будто та персона, что была снаружи - флиртовала и лукавила, как свойственно ее полу, - на миг уступила место той, что внутри - настороженной и наблюдательной. Неужели все дело в замечании Девереля о том, что мы не дадим друг другу скучать? О чем она думала... или думает? Не планирует ли *pour passer le temps*, любовную интрижку?

(12)

Как ваша светлость может понять, взглянув на номер страницы, я не уделял дневнику столько внимания, сколько должен бы, и по той причине, по которой не должен бы. Погода вновь испортилась, и движение судна вызвало у меня колики, каковые, впрочем, я ставлю в вину недавно почившей Бесси, той самой коровенке, которая сломала ногу. Так или иначе, море успокоилось, мы с погодой пришли в себя, и, положив дневник и поставив чернильницу на специальную дощечку, я в состоянии писать прямо в койке, хотя бы и медленно. С действительностью меня примиряет лишь мысль о том, что во время моих мучений корабль продвинулся довольно далеко. Ветер пригнал его в средиземноморские широты, и скорость наша, по словам Виллера (этого ходячего Фальконера!), ограничена скорее изношенностью корабля, чем силой ветра. Матросы стоят на помпах. Мне всю жизнь казалось, что помпы лязгают, и этот тоскливый звук будет слышен повсюду, однако я ошибался. Во время шторма я капризно допытывался у зашедшего ко мне Саммерса, почему не работают помпы, и тот заверил меня, что их качают день и ночь, и мне кажется, что корабль осел слишком низко, только лишь из-за плохого самочувствия. Полагаю, я более обычного подвержен морской болезни. По словам Саммерса, тут нет ничего позорного, в подтверждение он неизменно приводит пример лорда Нельсона. Но я все опасаюсь, что это не на пользу моему авторитету. И то, что мистер Брокльбанк и его красотка-дочь слегли рядом со страдальницей миссис Брокльбанк, которая не вставала с койки с тех пор, как мы вышли в море, бодрости, увы, не прибавляет. О том, на что похожи каюты этого несчастного семейства, лучше даже не задумываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

потенциально возможный (лат.).

2

настоящий, действительный, существующий (лат.).

3

«Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих дней опять найдешь его» (Еккл., 11:1).

4

Героиня романа родоначальника «чувствительной» литературы, английского писателя Сэмюэла Ричардсона (1689–1761 гг.) «Памела, или Награждённая добродетель».

5

Блистательная, Высокая, Оттоманская Порты (название султанской Турции).

6

«На хребтах беспредельного моря» (греч.) (Гомер, «Илиада», пер. Н. Гнедича).

7

Образ из поэмы английского поэта Джона Мильтона (1608–1674 гг.) «Люсидас».

8

Имеется в виду труд Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов».

9

Страсть к сочинительству (лат.).

10

Отверстие в борту для якорной цепи.

11

В. Шекспир, «Король Лир», действие IV, сцена 6 (пер. М. Кузмина).

С.Т. Кольридж, «Поэма о старом моряке» (перевод Н. Гумилева).

Купить: <https://tellnovel.com/william-golding/ritualy-plavaniya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)